

Юрий КУВАЛДИН:

Мы родились от волшебства любви

Моск. правда - 2001 - 13 янв. - с. 6

Кувалдин - имя на слуху. Вошел в литературу в последнее десятилетие: «Улица Манделштама» (1989), «Философия печали» (1990), «Избушка на елке» (1993), «Так говорил Заратустра» (1994), «Ворона» (1995, вариант для театра в 2000), «Поле битвы - Достоевский» (1996), «Родина» (2000). Издатель. Основатель и редактор ежемесячного журнала «толстяка» «Наша улица».

Под пером Кувалдина столица сегодняшняя выглядит так: «Он смотрел в окно на старую Москву. Это была та ее часть, где в прошлом веке находилось множество гостиниц и мебелированных комнат и великое обилие всевозможных трактиров и кабаков средней и низшей пробы с граммофонами и развеселыми девицами. И вот теперь минувший век как бы возвращался, но модернизированным. Какие-то голландцы открыли гостиницу, сияющую золотыми стеклами в переулке напротив, запестрели витрины меняльных контор, баров, банков. Да и сам Мацера (герой рассказа «Слошное Бологое». - Прим. авт.) перестроил бывший дом какого-то купца в нечто такое комфортабельное, что душа пела. Но можно ли перестроить людей? Можно ли вдохнуть новое содержание в старую форму?»

Фазиль Искандер пишет о Кувалдине: «...Это настоящая интеллектуальная, а точнее сказать, интеллигентная проза /.../ Он любит вглядываться в сложных героев, говорит о них правду». И еще про стиль, несущий отпечаток «волнения первооткрывателя».

- Юрий Александрович, сегодня писатели не мелькают в лучах ТВ. Неужели вяли стихам, поучающим «Быть знаменитым некрасиво»?

- Не мелькают, потому что не приглашают. Писатель - публичная профессия. Он не должен стесняться, что его знают, читают, любят. В моей «Вороне» начинающий постмодернист по имени Миша говорит: «Прекрасно быть знаменитым. Это поднимает ввысь. Надо иметь многочисленные архивы, трястись над каждой рукописью... Сograждане не читают книг, исключения лишь подтверждают правила, но как они произносятся знаменитые имена! Ты постоянно должен быть на виду, буквально окунаясь в известность, чтобы злые языки говорили: «Когда же он работает?»

- Эта изящная выворотка Пастернака, по-моему, понравилась бы Пастернаку.

- Я сейчас предлагаю «Ворону» театрам. В первую очередь Райхельгаузу, он остро чувствует пульс современной пьесы. «Ворона» в целом - выворотка чеховской «Чайки». Я живу на Москве-реке, поведение чаек похоже на поведение ворон, мой персонажи убеждены, что чайка и ворона - одно и то же. В финале молодая героиня Маша (ворона) обеляет себя, а кавказец Абдуллаев, который ходит в белом костюме, оказывается аферистом. Он организатор пирамиды, инвестиционного фонда из ничего. Абдуллаев откровенен: «Вы, русские, хорошие, как дети маленькие, мы вам работу найдем... Мы скупаем ваши города и села, мы двигаем производство, мы гоним нефть на Запад, мы устанавливаем курс валют на бирже...» Я написал это летом 1994 года, еще до разворота событий на Кавказе.

- Писатель - пророк!

- И пророк, и лицедей. Писатель, который не знает лицедейства, пло-

хо перевоплощается в персонажей, особенно в отрицательных. Они неубедительны. Я залезаю в шкуру каждого своего героя. И старухи Ильинской, мечтавшей сыграть Нину Заречную, и Абдуллаева. И Маши, которая в Абдуллаева стреляет.

- Лицедейство - это с детства, простите за рифму. Расскажите о вашем детстве.

- Год рождения - 46-й. Отец военный, полковник, в Академии Фрунзе преподавал колесную артиллерию.

- Син артиллериста, персонаж Симонова... Тоже ремейк.

- А помните «Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой», марш артиллеристов? По совпадению я родился 19 ноября, в День артиллерии, сегодня ракетных войск. Год рождения сопровождался салютом, а жил я почти что на Красной площади... В доме, где «Славянский базар», на Никольской, тогда 25 Октября. Первые впечатления: сижу на удаве, настоящим живом удаве, свернутом бухтой. Любуюсь лисой и петухом. С этого начала работать моя память. В нашей коммуналке жил Дмитрий Иванович Лонго, странствующий фокусник, факир. Играть в шахматы меня учила чемпионка мира Быкова. Из людей известных там же родилась актриса Аня Каменкова. Детство было сказочно. Мама рассказывала языческие легенды, близкие к максимовским. Лонго показывал фокусы. Вскоре я научился отрывать себе палец, отрывать голову. А после в самиздатском списке прочитал про голову Берлиоза. Это было мое, родное... В первый класс пошел в Славяно-греко-латинскую академию. На той же улице, дом 7. Сразу припук: в здании нашей школы учились Кантемир, Тредиаковский, Мономахов. Я понял: это судь-

ба... Все подробности в повести «Избушка на елке».

- К какому литературному направлению вы себя причисляете?

- Продолжаю традицию, украшенную именами Гоголя, Гофмана, Булгакова. Я мифотворец. Считаю, что человек живет мифом. Только стало посвободней, все кинулось в религию, яростно поверили в чудеса. Человеку не нужны научные сведения. Всем хочется сказку. В романе «Родина» я очищаю понятие родины от сусально-фальшивого и сочиняю новую, постмодернистскую религию. Между прочим, у Булгакова мелькал замысел романа под таким названием. В моем романе ожидают символы России. Действуют живой Гоголь, Булгаков, Платонов.

- Читатель, Юрий Александрович, не принял постмодернизма. Или не понял!

- Человечество инертно. Новые идеи воспринимает, когда их авторов заруют в могилу, и еще пройдет лет триста, и уже никто не знает, что было, чего не было, есть только миф, вспомните движение христианства. У читателя вызвали шок крайние вещи. Но ведь жизнь, известно, без берегов. И Пелевин, и Сорокин хороши, хотя Сорокин не относится к моим любимцам. Это первопророки, люди прорыва. Не надо бояться крайностей. Я придумал афоризм: «Я за свободу слова, но только чтоб оно было цензурным», ведь люди мыслят именно так. В России целый пласт языка табуирован и никак не войдет в литературу. Однако за десять лет прогресс колоссальный. Выпущен под редакцией Горбаневской словарь ГУЛАГА. А сейчас в МГУ огромный, феноменальный словарь сленга.

- Язык улицы!

- Конечно. Недаром же я называл журнал «Наша улица». Идея не нова. Пушкин услышал голос улицы и совершил языковую революцию.

- А Маяковский! «Улица кор-

чится безязыкая - ей нечем кричать и разговаривать».

- Еще бы! Величайший и, при всем буме вокруг него, недооцененный гений.

- Есть возможность издать роман «Родина» отдельной книгой!

- В наше время опасно задавать прямые вопросы. Пока возможности нет. Размениваться на ксероксы не хочу. А книга, в которой 400 - 500 страниц, в переплете, тиражом 5 тысяч, тянет на 10 тысяч долларов. Советская литература была баловнем судьбы и не знала, откуда капают деньги. Есть романтики от литературы. Вот сидят Чухонцев со Швыдким. Не народился, говорит Олег, меценат, который даст деньги «Новому миру». А ты пытался изменить продукт под названием «Новый мир», который изготавливаешь по инерции! Литература не вошла в рынок, и деньги ей перестали давать. Только обновляясь, можно рассчитывать на востребованность.

- Есть ли у литературы будущее?

- У литературы огромное будущее, пусть не такое, как в советское время, когда с одной книги писатель мог купить машину, дачу, гараж. Я не пугаюсь недопонимания. В конце концов ты нужен только тому, кому ты нужен. Насильно мил не будешь.

- Что пожелаете читателям!

- Мы живем на разломе - эпох, традиций, идеологий. Короче, время «ноу-хау». Кто не чувствует этого, отстал от поезда, не едет в поезде. Я не люблю серьезных людей. Они тупые, ограниченные. Они не понимают, что родились от волшебства любви. Что идут в вечность. Что контраст - жизнь и смерть - имеет свою прелесть. Их не восхищает праздник, маскарад, ряженые. Будем выше собственных бед и страданий. Будем художниками.

Владимир ПРИХОДЬКО.

Фото А. ВОЛОДИНА.

